

Большую часть жизни Шень Яня за него принимали решения другие люди – это они решили, рождаться ли ему вообще, определили его предназначение, да и всю его судьбу в целом. Все это время он молча позволял им это делать, а затем в одиночку нес на своих плечах весь тот вред, который они ему причинили.

Но в эти дни он понял, что ему необходимо принять одно из самых важных решений в человеческой жизни.

Теперь он действовал гораздо активней, проявлял больше инициативы и размышлял о собственном «будущем». Не потому, что он стал эгоистичней, а потому, что он больше не был один – в его руках было «будущее» двух людей, и оно было гораздо весомей, чем что-либо еще.

Даже в те часы, когда его матери делали операцию, он не прекращал об этом размышлять. Точнее, в такой решающий поворотный момент, как хирургическое вмешательство, человеку даже легче сесть и обдумать, что он хочет делать дальше.

Горящее красное табло [ИДЕТ ОПЕРАЦИЯ] оставляло у людей гнетущее и удушающее чувство, из-за этого давления многие родственники пациентов теряли контроль над своими эмоциями, но Шень Янь оставался удивительно спокоен. За три долгих часа, пока шла операция, он ни разу не встал со своего места. Ци Цзин тоже – все это время он сидел рядом, держа его за руку.

– У меня руки трясутся? – Нет, не трясутся.

Он постоянно задавал подобный вопрос и получал ответ.

Имело ли это хоть какое-нибудь значение или нет, был ли ответ Ци Цзина правдой или ложью... все это было неважно. Пока он мог говорить, и рядом с ним был хоть один человек, готовый его слушать и отвечать, этого было довольно, и на сердце у Шень Яня становилось спокойней.

Операция прошла, как планировалось, и закончилась успешно. Так как опухоль была доброкачественной и ее обнаружили вовремя, новообразование удалили подчистую, и все дальнейшее зависело от послеоперационной химиотерапии. Когда операция закончилась, женщину перевезли в отделение реанимации, там за ней ухаживала медсестра, следя, чтобы не началось заражение или внутричерепное кровоотечение. Только после того, как в течение суток состояние женщины оставалось стабильным, ее перевели обратно в обычную палату. В это время Шень Янь занимался в больнице кое-какими вопросами, а еще – готовил питательные препараты и лекарства для послеоперационного восстановления.

А Ци Цзин потихоньку ему помогал. Конечно, он по-прежнему делал это как его «друг».

– «3 декабря, клетка №2, собака неопределенной породы, возраст – около трех-четырех месяцев. Этот малыш попал в клинику после того, как его сбила машина, с тяжелыми

повреждениями внутренних органов и сильным внутренним кровотечением. Сейчас после операции прошло почти две недели, все функции организма понемногу восстанавливаются, но дальнейшее наблюдение все еще необходимо. Раньше из-за действия анестезии у малыша не было аппетита, а в последнее время он может есть все питательные блюда, которые для него оставляет медсестра...»

Больше всего Ци Цзин любил сидеть у больничной койки с дневником в руках и неторопливо читать вслух женщине заметки о выздоровлении животных, которые написал Шень Янь. С одной стороны, Ци Цзину всегда очень нравилось содержание его дневника, а с другой – для пациентки, поправляющейся после операции по удалению опухоли, послушать несколько страниц записей о «медленном выздоровлении», написанных ее собственным сыном... это было очень подходяще.

- Ты так хорошо читаешь, прямо как профессиональный телеведущий, – после того, как Ци Цзин дочитал абзац, женщина подняла голову и слабо ему улыбнулась. – И твой голос на слух такой приятный.

- Спасибо, – Ци Цзин закрыл дневник, скромно улыбнувшись в ответ.

Слушать, как Ци Цзин читает эти истории, для женщины было самой приятной частью дня – не только потому, что их написал Шень Янь, но и потому, что рассказ об исцелении животных звучал очень тепло и отлично поднимал ей настроение. Несмотря на то, что Ци Цзин сам был травмирован, он по-прежнему приходил вместе с Шень Янем, когда тот ее навещал. Ци Цзин не мог помочь с тем, что надо было делать руками, поэтому он подбадривал ее вот так – и это ее очень трогало.

- Кстати говоря... Комментатором в той передаче тоже был ты, Сяо Ци, – женщина посмотрела DVD с записью на его ноутбуке. – Ты ведь очень в этом хорош, верно?

- Ха-ха, этого требует моя работа, – а еще он много занимался озвучкой.

- Это не то же самое, – женщина покачала головой. – Некоторые комментаторы звучат жестко, так, будто у них нет никаких чувств, но ты создаешь впечатление, что вкладываешь в слова собственные переживания, – ты действительно переживал за этих животных. У тебя доброе сердце.

У тебя доброе сердце.

Услышав эти слова, Ци Цзин, не удержавшись, в душе горько рассмеялся. Если бы вы знали, что этот я-с-добрым-сердцем – гей, который питает к вашему сыну более чем дружеские чувства, думали ли вы обо мне так же? Но конечно же, такого вопроса он задать не мог.

- Прошу прощения, мне нужно сходить в поликлинику, чтобы снять гипс, но я скоро вернусь, – он проглотил слова, подступившие к горлу.

Ци Цзин улыбнулся женщине, встал и попрощался, вел он себя так же культурно и вежливо, как и раньше. Пока женщина поправлялась после операции, ему сделали рентген, провели обследование и получили результаты. Врач сказал, что его левая рука в целом восстановилась до того же состояния, в котором была до аварии, так что гипс уже можно было снимать. В любом случае, он ходил в больницу каждый день и сегодня только что записался на прием. Ему нужно было пойти в соседнее здание, чтобы снять гипс и повязку.

В этот момент Шень Янь тихо сидел рядом с женщиной и чистил яблоко. Услышав это, он взглянул на Ци Цзина, снова опустил взгляд, а потом кивнул. Каждый раз, когда Ци Цзин слышал, как женщина его хвалила, он всегда смущенно отклонялся от темы или находил предлог, чтобы ненадолго уйти.

На самом деле женщина уже заметила эту особенность. Но она просто думала, что Ци Цзин – по натуре скромный человек и смущается, когда другие его хвалят. Только Шень Янь знал, что это не тот случай.

- У Сяо Ци действительно доброе сердце, я в этом сама убедилась, – после того, как Ци Цзин ушел, женщина тихо повторила свои слова.

Шень Янь ничего не сказал. Нож в его руках двигался, очищая яблоко, и пустая тишина между ними, словно срезанная яблочная кожура, все удлинялась и удлинялась. Ему казалось, что после этих слов женщина должна была сказать что-то еще. Как он и ожидал, женщина пробормотала себе под нос:

- Тебе и в самом деле повезло – занять такого друга, как он...

- Мама, – в этот момент руки Шень Яня остановились, и он неторопливо поправил ее, – он мне не «друг».

Это предложение словно нажало на кнопку паузы. Все звуки в больничной палате внезапно замолкли, и наступила полная тишина.

Шень Янь прождал несколько секунд в этой тишине. Никакого ответа он так и не услышал. Поэтому он слегка опустил глаза, сфокусировав взгляд на ноже в своих руках и на этом наполовину очищенном яблоке. Он продолжил его чистить. Лезвие ножа было острым, поэтому ему приходилось прикладывать немало усилий, чтобы случайно не обрезать ленту кожуры.

Тем не менее, он не собирался останавливаться на полпути...

- Он мне не друг, – повторил Шень Янь низким и ровным голосом. – Ты сейчас не стала сразу задавать мне вопросы, поэтому, я думаю, что... ты, наверное, это уже поняла, просто подсознательно не хочешь искать подтверждение.

Ответа не было.

Шень Янь по-прежнему не поднимал взгляд. Нож в его руках продолжал двигаться, срезая непрерывную длинную ленту кожицы; было заметно, что нож держит он крепко и ровно. Но его голос таким же твердым, как нож, не был.

- Он не хочет тебе этого говорить, потому что чувствует, что если бы ты это знала... Это, скорей всего, тебя бы расстроило. Или вызвало гнев. Если наши только что восстановленные отношения из-за него испортятся, он будет винить себя до самой смерти.

Ответа по-прежнему не было.

- Но я думаю, что это чувство невозможности рассказать другим людям, невозможности говорить им правду, а в конечном счете - необходимость выносить эту боль в одиночестве и тишине... Это очень похоже на то, что ты чувствовала с отцом, - Шень Янь ненадолго остановился, его голос звучал низко, хрипло и тяжело. - Ты сама прошла через это... Ты должна лучше знать, что он сейчас чувствует, не так ли?

Когда нож достиг конца, рука, державшая его, слегка напряглась. Шень Янь смотрел, как падает неразорванная лента яблочной кожуры, словно законченная история, которая была рассказана от начала и до конца.

У их истории тоже будет начало и конец - она не прервется на полпути.

Они тоже будут держаться до самого конца...

- Мама, я хочу дать человеку, которого люблю, определенный статус. Я хочу, чтобы он стал моей семьей, - даже если он и носил ту же фамилию, он никогда не пошел бы тем же путем. Он поднял голову, взгляд его был абсолютно честен.

- Я решил, что никогда не буду таким, как мой отец.

.....

- Я вернулся, - Ци Цзин еще не вошел в дверь, но его было слышно: он поприветствовал их голосом, в котором разливалась улыбка.

Гипс снимали очень быстро, и единственным, что заняло некоторое время, оказалось ожидание в очереди, так что к тому времени, когда он вернулся, прошло около часа. Однако, войдя в палату, Ци Цзин заметил, что эти двое остались на своих местах - даже их позы не изменились - и ни один из них не говорил.

Женщина по-прежнему, не двигаясь, сидела у изголовья кровати, ее глаза были опущены.

Шень Янь все еще чистил яблоко, просто на этот раз оно было новым. Ци Цзин заметил уже очищенное яблоко, лежавшее на тарелке с фруктами, но, по какой-то неизвестной причине, никто из них не стал его есть. Казалось, что оно пролежало там довольно долго, а его поверхность стала уже темно-коричневой.

Отметив эту деталь, Ци Цзин немного удивился, интуитивно почувствовав, что тут что-то не так. Следуя своему инстинкту, он спросил:

- Что случилось?

Услышав это, Шень Янь поднял голову и, как обычно, легко улыбнулся ему:

- Ничего, молодец, что снял гипс. Что сказал доктор?

Как будто и не случилось ничего необычного. Ци Цзин внимательно изучил выражение лица Шень Яня, но не увидел в нем ничего из ряда вон. Решив, что, должно быть, он просто слишком много думает, Ци Цзин поднял свою наконец излеченную и свободную левую руку.

- Врач мне сказал, что я могу ей пользоваться, но посоветовал избегать слишком интенсивных движений - обычных упражнений должно быть достаточно.

Шень Янь некоторое время спокойно за ним наблюдал, а затем, глядя на него невероятно нежным взглядом, негромко произнес:

- Это замечательно. Сядь, подожди, пока я почищу яблоко, и мы вместе сможем его съесть.

Так как он упомянул яблоко, то Ци Цзин помимо воли перепрыгнул к этой теме:

- Точно, почему вы не съели то, что лежит на столе, после того как ты его почистил? Оно даже успело окислиться.

- Это неважно, все уже в прошлом, - Шень Янь ответил ему так, как будто они говорили о разных вещах. А потом выкинул окислившееся яблоко.

Что неважно? Что в прошлом?

Ци Цзин уставился на него, опешив, но тот уже успел дочистить яблоко, отрезал небольшую дольку и небрежно приподнял ее перед собой.

- Иди сюда, съешь кусочек.

Шень Янь часто делал это, когда они были дома. Поэтому Ци Цзин, не задумываясь, наклонился и открыл рот, чтобы откусить от ломтика.

- М-м... - в этот момент он понял, что находится сейчас не дома, а в больнице, и вздрогнув, проглотил яблоко, чуть им не подавившись. Быстро его жуя, чтобы избавиться от улики, он не выдержал и взглянул женщине в лицо, надеясь, что она ничего не заметила.

Но женщина это заметила.

Она не только это заметила, но и пристально смотрела на него. Только в этот момент Ци Цзин заметил, что у нее немного покраснели глаза, но при этом она была необычайно спокойна. Увидев, как Ци Цзин губами взял яблоко, которым Шень Янь кормил его с рук, она моргнула. Когда их глаза встретились, она сначала опустила голову и посмотрела на свои сцепленные пальцы. А потом с трудом разжала руки и подняла голову, натянуто улыбаясь Ци Цзину.

- Это замечательно, - сказала она. - Твоя рука уже зажила.

- А... - Ци Цзин сначала не отреагировал на ее слова, но потом торопливо улыбнулся, ответив.
- Конечно, спасибо за вашу заботу.

- Может, мы сходим куда-нибудь на ужин, чтобы отпраздновать? - снова заговорила женщина. Это был первый раз, когда она упомянула о том, чтобы поехать на людях.

Всю свою жизнь она провела, трясясь от страха и прячась от самоуверенных людских взглядов, как тенелюбивый цветок, одиноко растущий в темном углу. В то время, когда она растила Шень Яня, она всегда ела вместе со своим ребенком, за закрытыми дверями, чтобы никто снаружи не мог ее увидеть. И вот теперь она пришла к этому.

И выражение ее лица было таким умиротворенным - Ци Цзин наблюдал за ней, не в силах совладать с изумлением.

- Хорошо, - Ци Цзин еще не успел ответить, как за него дал ответ Шень Янь. Женщина слегка кивнула головой.

- Сяо Ци, а ты с нами пойдешь?

- Угу, я пойду, - у Ци Цзина не было причин отказываться.

За время обмена этими репликами вкус яблока, кусочек которого съел Ци Цзин, еще не улетучился. После нотки терпкости во рту разливалась постепенная сладость.

Ци Цзин не знал почему, но в этот момент он внезапно растерялся. Случилось ли это из-за того, что ему сняли гипс? Тяжесть на его плече, казалось, ослабла, оставив ощущение пустоты – и он подумал, что теперь понял, что же Шень Янь понимал под чувством освобождения.

– Сегодня такой странный день, – обдумывая произошедшее со всех сторон, он не выдержал и произнес это вслух.

Услышав его слова, Шень Янь слегка повернул голову и посмотрел на Ци Цзина.

Было уже около десяти, когда они вдвоем вернулись в старый район города. В ту ночь дул сильный северный ветер, и старинные чайные вдоль улиц уже давно закрылись. Остались только баннеры магазинов, уныло развевающиеся на ветру. Во многих домах не горели огни, так что должно было быть так темно, что было бы невозможно разглядеть ничего, никаких деталей, но так уж получилось, что их возвращение пришлось на ночь полнолуния. Луна тихо висела между деревьями, покрывая землю серебром – и словно впуская их в черно-белую картину.

На такой картине у человека под лунным светом все эмоции написаны на лице. И Шень Янь тоже хотел прочесть чувства человека, идущего рядом с ним.

Выйдя из машины, Ци Цзин продолжал думать о своем и на протяжении всей дороги тоже не сказал ни единого слова. Шень Янь продолжал идти рядом, наблюдая за выражением его лица. Но как только они пошли по узкому переулку, Ци Цзин неожиданно заговорил:

– Я почувствовал, что тетушка сегодня была не совсем такой, как обычно, – в этой фразе чувствовалось продолжение.

– Какой не такой? – негромко спросил Шень Янь.

Ци Цзин поднял голову, озадаченно посмеиваясь над сидевшей на ветвях деревьев луной, и как будто забавлялся своим собственным путаным заявлением.

– Я не могу сказать точно... Я просто чувствовал, что тетушка уделяла мне слишком много внимания. Она часто подолгу наблюдала за мной, а когда мы ужинали, она подкладывала мне довольно много еды. Она не из тех, кто умеет говорить красивые слова, так, может быть, она хотела таким образом поблагодарить меня, прежде чем выпишется из больницы?

– Может быть, – Шень Янь ответил ему долгое время спустя, хотя и знал, что это было не единственной причиной.

– Верно? Я долго об этом размышлял, но смог додуматься только до этого, – хотя Ци Цзин и казался немного озадаченным, он все равно был очень счастлив. Возможно, этой причины уже хватало, чтобы он был доволен.

В этот момент Шень Янь постепенно замедлил шаги, а затем остановился, глядя в спину Ци Цзину, который продолжал идти вперед.

- Но это довольно приятное чувство, не так ли? - спросил он.

Услышав голос собеседника сзади, а не сбоку, Ци Цзин несколько удивился и обернулся, только тогда осознав, что Шень Янь остановился в нескольких метрах позади него.

- Но это довольно приятное чувство, не так ли? - Шень Янь лишь снова повторил свой вопрос.

- Угу... - признал Ци Цзин. Даже не зная, в чем была причина, он все-таки действительно считал, что это было приятно.

Услышав его ответ, Шень Янь вдруг слегка улыбнулся. Это явно была улыбка, но в смутном лунном свете она открывала еще и некую меланхолию. Некоторое время он так улыбался сам себе, сунув обе руки в карманы и стоя в удобной и спокойной позе. Он долго стоял и смотрел на Ци Цзина, остановившегося между двумя переулками. Перед его глазами открывалось место, где он вырос, - каждая улица, каждый переулок и даже каждая стена вдоль них - все это было так хорошо ему знакомо; квартира, оставленная ему бабушкой, находилась неподалеку. Здесь никогда ничего не менялось - будь то ветер или дождь, облака на небе или солнце, стояла ли на дворе весна, лето, осень или зима.

Все это, целиком и полностью, было так знакомо и дорого ему.

Однако знакомый пейзаж стал законченным лишь в тот момент, когда здесь появился силуэт этого человека. С того дождливого дня, когда Шень Янь привел сюда Ци Цзина, все здесь приобрело новый смысл. Он несколько отличался от того, которым для него обладал дедушка, но был не менее драгоценным...

- Это было не так страшно, как ты себе представлял, верно? - ветер подхватил и понес его тихие слова вдоль по переулку, пока они не достигли ушей этого человека. Ци Цзин вздрогнул.

- О чем ты говоришь? Я не понял.

На самом деле Ци Цзин подумал об определенной возможности. Но от той возможности у него сжалось сердце: он очень боялся заходить дальше и предпочел бы остаться невежественным дурачком в надежде, что Шень Янь скажет что-то, что развеет его мысли.

Но следующие слова Шень Яня не только их не развеяли, но напротив, подтвердили, что его предположение оказалось верным.

- Ты, наверное, уже догадался, о чем я говорю.

Разум Ци Цзина наполнился гулом – это походило на то, как при перезагрузке программы из памяти компьютера исчезают цифры и значки – и от этого невозможно было что-либо сделать. Его психологическая реакция запаздывала, но тело уже само собой сделало шаг вперед. Оно полностью онемело и утратило все чувства до капли – но из глаз побежали две дорожки слез. Он стоял там в ступоре, а слезы падали со щек на землю.

- У... – он услышал свой собственный сдавленный всхлип, только когда добрался до Шень Яня.

Первое рыдание уже вырвалось, и поэтому подавить остальные уже не было никакой возможности. В тот момент, когда Шень Янь протянул руки и схватил его за плечи, Ци Цзин не смог сдержаться, закрыл лицо руками, зажмурился и позволил вылиться всем слезам.

- Почему, почему... – Ци Цзин не был так напуган даже когда признался своей семье, но теперь, когда он задавал этот вопрос, его голос дрожал, как и все тело.

- Прости, – Шень Янь крепко прижал к себе, тихо извиняясь. Но извинялся он только за то, что скрыл от Ци Цзина правду, а не потому, что пожалел о своем выборе.

Ци Цзин, сжатый в его объятиях, тут же расплакался так сильно, что не мог ничего произнести, и только, стиснув зубы, смотрел, как его собственные слезы пропитывают воротник Шень Яня. Он неосознанно поднял правую руку, желая как следует врезать этому человеку, но в конце концов не смог сделать и этого – Ци Цзин в глубине души знал, что причиной, почему Шень Янь открылся своей матери, был он сам, – так как он мог такое сотворить?

- Почему ты... так глупо... – Ци Цзин, прижатый к его груди, судорожно выдавливал из себя вопрос, его голос охрип от слез.

- Потому что я не могу этого принять, – Шень Янь беззвучно усмехнулся, слегка зарылся половиной лица Ци Цзину в волосы и поцеловал его в ухо.

- Не можешь принять?..

- Да, я не могу этого принять, – мягко сказал ему прямо в ухо Шень Янь. – Ты отказался от своих перспектив и решил остаться со мной, ничего мне не сказав, а я не мог этого вынести... Вот поэтому я тоже решил действовать, ничего тебе не сказав, – так что мы квиты.

Дыхание Ци Цзина замерло, а затем он в шоке спросил:

- Как ты узнал?!

Шень Янь лишь рассмеялся и ничего ему не ответил.

Пережив мгновение шока, Ци Цзин потихоньку пришел в себя. Но его сердце все еще содрогалось от полученного только что удара, а колени обмякли, поэтому на ногах устоять он мог только крепко прижавшись к Шень Яню.

- Что случилось, мы с этим квиты... глупенький, - после резкого приступа боли пришла другая - тупая и слабая.

Его руки крепко обхватили спину Шень Яня, отчего ткань пальто смялась. Шень Янь терпеливо и тихо целовал Ци Цзина в лоб, пока рыдания постепенно не утихли в его объятиях.

- Ци Цзин, ты помнишь, как я сказал тебе, что хочу, чтобы ты стал моей семьей?

- Угу.

- Тогда почему ты не знаешь, что значит стать семьей? - спросил он снова.

Ци Цзин ничего не ответил, только его руки сжимали Шень Яня все сильнее и сильнее. Сдавленные рыдания прекратились, но слезы по-прежнему падали на одежду. Шень Янь тихо вздохнул.

- Стать семьей - это значит, что где бы ты не был, именно там мой дом, - тихо сказал он. - Ци Цзин, ты уже давно моя семья.

Примечание автора.

Номер этой главы очень гунский... 111 и все. Вот почему Папочка Котика на этот раз... еще больше гун. >///<

Я начала писать «Эксклюзивные права на онлайн-актера озвучки» 11 июля в прошлом году, так что с этого момента прошел год и еще два дня. Первоначально я собиралась опубликовать эту главу два дня назад, но из-за того, что в моей жизни произошли некоторые не очень приятные вещи (в основном семейные проблемы), я надолго с ней застряла. Так что, плюс к тому, что их сюжетная линия непроста для того, чтобы написать главу получше, я запоздала с публикацией. Но в любом случае, это все еще может считаться праздничной главой к годовщине...

За этот год я многое пережила, от скромного творчества в начале до множества людей, которые стали позже меня поддерживать. Тут случились и некоторые моменты, которые вошли в мою темную историю, моменты, когда я чувствовала себя подавленно, и даже дважды брала длительный перерыв. В моей реальной жизни также произошли огромные изменения... Так что путь создания этого романа был тернистым, но, к счастью, вы, ребята, поддерживали меня до

сих пор – спасибо вам!

Возвращаясь к этой главе: хотя я знаю, что некоторые люди зашли сюда, чтобы прочитать историю о мире 2D, я все-таки хочу подробно рассказать о поворотном моменте в их 3D, чтобы дать читателям несколько убедительных ответов. Для меня, помимо того, что я пишу историю главных героев, это еще и возможность высказать свои взгляды и отношение к жизни, поэтому иногда это может быть многословно и затянуто, но за это я могу только извиниться. Возможно, это оттого, что я принадлежу к здешним «писателям старой школы» (я пришла в Цзиньцзян довольно рано, хотя писательство давалось мне довольно тяжело и пока я не закончила ни одной работы), так что мое намерение написать роман осталось таким же, как и прежде, – я пишу, чтобы выразить отношение к жизни, а не для того, чтобы создать быстро развивающуюся и хорошо заканчивающуюся драму, которая легко начинается и легко проходит.

Мне пришлось немного поворчать в свой юбилейный день, но это в основном для того, чтобы подбодрить себя. ^_^

P.S. Честно говоря, и 2Янь, и Папочка Котика – они оба – делают в этих главах некоторые вещи неправильно, но это неважно. Это лишь доказывает, что никто не идеален, всем нам иногда не хватает способности здраво рассуждать, когда мы чем-то обеспокоены и в растерянности. В конце концов, пока они могут уладить все вместе, этого уже достаточно, ля-ля-ля. ~(∇)~

<http://bllate.org/book/13906/1225651>